

НИКИ ПЕРСИКО

РАЙСКИЕ Спагетти

ПОБЕДИТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ НАГРАДА
"GIALLO GARDA"

18+

Ники Персико
Райские Спагетти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Персико Н.

Райские Спагетти / Н. Персико — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Адвокат-практикант, неопытный и наивный, оказывается вовлеченным в процесс защиты двух женщин, разных по возрасту и социальному положению, но одинаково ставших жертвами насилия. С этого момента он попадает в приправленное интригующими кулинарными изысками хитросплетение судеб и людей, безмятежных моментов и напряженной неизвестности и занимается расследованием stalkingа. Прогуливаясь по пленительной Апулии, описываемой весьма оригинальным образом, автор ведет читателя в мир опасных людей, предлагая рецепт, придуманный героем, который превратил банальные ингредиенты в философию жизни: «спагетти с Раем».

Содержание

Об авторе	5
БЕЗВРЕМЕННОСТЬ	6
МАФИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ	10
ИДЕАЛЬНЫЙ ПЛАН	16
ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТОВ	18
МУТОЛО	23
СВЕТЛОЕ ПЯТНО	25
СЕТЬ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Об авторе

Ники Персико – адвокат, журналист, публицист, написавший множество статей для национальных изданий, увлекающийся различными творческими занятиями: от фотографии до написания сценариев, от музыки до актерского мастерства. Был удостоен премии культуры города Монополи, а в 2015 году выиграл международную литературную премию «Giallo Garda» с романом «Райские Спагетти».

Сотрудничал с различными литературными фестивалями и выступал уполномоченным членом правления коммуны Бари в продвижении издательского дела.

Бывший стюард «Alitalia», путешествующий по всему миру, собирающий и хранящий внутри своего сознания обширные многокультурные знания.

Трудоспособный писатель, всегда способный удивлять как разнообразием жанров, которыми он работает, так и оригинальностью, которая в различной степени всегда присутствует в его произведениях.

Он начал свою писательскую деятельность в 2010 году с коротких рассказов, по одному из которых – «Тереза покачивалась» – был снят короткометражный фильм, удостоенный премии «Piedigrotta Varese». За короткий период автор стал популярным из-за своего инновационного стиля и умения гармонично смешивать различные повествовательные приемы, в результате чего после выхода романа «Райские спагетти» был назван создателем жанра «смайт-триллер». Он также является автором сюжетов и сценариев для кинематографа, опубликованных рассказов и стихотворений.

Ты нарисовал ад тех женщин, у которых нет голоса, которые больше не умеют просить о помощи.

Потому что у них не получается, потому что они не могут, потому что не хотят.

Или потому что они так думают.

Это лишь гадание, смертный приговор.

Они вкусили плохое яблоко, которое выглядело хорошим, а оказалось пустым и гнилым.

Гнилым внутри.

БЕЗВРЕМЕННОСТЬ

Темнота. Кромешная темнота. Поздний вечер, почти ночь. Время будто остановилось. Я закрываю дверь в кабинет и, как это часто случается, последним ухожу из офиса. Лифт уже не работает, потому я решительно направляюсь к узкому и запыленному лестничному пролету с бетонными ступеньками. Это одна из тех лестниц, которые обычно ведут к подземным парковкам: с красными и белыми полосками по бокам, с витающим в воздухе типичным запахом влаги и затхлости, с полом, усеянным потухшими окурками.

Преодолев последний пролет, я прохожу еще одну открытую дверь с ручкой «антипанника». Зона парковки полупуста, неоновые лампы горят тускло, с трудом освещая дальние углы и создавая густые тени между колоннами и желтыми полосами на полу. Пандусы все облуплены из-за неумелых маневров. Лишь два автомобиля стоят припаркованными.

Направившись к своей машине, я замечаю в нескольких метрах за углом неподвижную фигуру и застываю как вкопанный. Присмотревшись, я понимаю, что передо мной высокая женщина в длинном темном пальто и широкополой шляпе, из-под которой выбиваются длинные светлые волосы. Я мог бы узнать ее даже со спины! Мы недавно виделись с ней в студии, потом она вышла, опередив меня всего на несколько минут.

Теперь она стоит неподвижно, вытянув вперед руки, сжимающие хромированный пистолет, направленный перед собой. Я смотрю на нее и в то же время пытаюсь понять, что творится вокруг. Мне кажется, что только мое время продолжает свой бег, а все остальное застыло, словно стоп-кадр.

Я делаю еще один бесшумный шаг. Теперь все становится видно куда лучше. Оружие, которое женщина держит в руках, направлено на кого-то, находящегося перед ней, кто мне почти не виден. Я с трудом могу рассмотреть очертания фигуры, но, к своему изумлению, обнаруживаю, что второй человек – тоже женщина в темном пальто и шляпе, с длинными светлыми волосами.

Они совершенно одинаковые!

И та вторая тоже держит пистолет, направленный на своего близнеца. Только держит она его одной рукой и стоит в позе дуэлянта из прошлых эпох: голова повернута к правому плечу, а рука поднята. Могу предположить, что смотрит она в прицел, как стрелок, наводящий дуло на цель. Три точки на одной линии: глаз, прицел, цель.

Обе женщины вооружены и пребывают в боевой готовности. Конечно, это очевидно, что одна пытается защититься от другой. Убийца, жертва и я – внезапный элемент, непредвиденная переменная, помеха или, может, неожиданная удача, в зависимости от того, что произойдет дальше.

Но что я могу сделать? Каким образом мне действовать и стоит ли вообще это делать? Я могу оставаться неподвижным из-за страха или по собственному выбору. Я могу инстинктивно закричать или броситься на землю, попытаться сбежать отсюда или шагнуть к ним, а, может, наоборот, от них. Я могу сделать что-нибудь, а могу ничего не делать, и любое мое действие способно все изменить: жизнь и даже смерть.

Но кое-что ясно точно: одна из этих женщин отныне защищает не только свою жизнь, но и мою. Если убийца попадет в цель, то потом он убьет и меня, потому что я таким образом стану свидетелем.

Я могу подождать, надеясь, что произойдет обратное, а могу действовать.

Но как действовать?

Никто не может представить себе, что ему вдруг придется принимать решение за считанные мгновения. А такое вполне может случиться. И я тоже не представлял себе, что однажды

окажусь в подобной ситуации. Более того, я никогда не думал, что когда-нибудь стану судьей, арбитром или определяющим фактором в жизни других людей. Причем людей, которые парадоксальным образом станут судьями и арбитрами моей жизни. И я должен в безвременной ситуации решить, что делать. Или, наоборот, не делать. При этом зная, что передо мной стоит вопрос жизни и смерти.

Понятие времени не всегда одинаково. Иногда года делятся всего лишь мгновение, а иногда короткие мгновения кажутся бесконечными. И они в самом деле такие! Именно это и называется безвременностью.

Возле меня, на выступе в стене, виднеется металлический предмет, возможно, стяжка скамьи, забытая кем-то. Я заметил, как она блеснула на свету, за мгновение до того, как остановился. Я машинально хватаю ее, не раздумывая особо. Она весит килограмма два и весьма холодная.

Инстинкт – это пространство мгновения, которого нет.

Безвременность.

* * *

Со многими случается, например, после аварий, что они абсолютно не помнят, что с ними произошло, а потом обнаруживают, что сумели увернуться, затормозить, одновременно выставив руку, чтобы защитить кого-то. Часто действия оказываются эффективными и правильными, пожалуй, лучшими решениями, которые можно было принять в тот момент.

Однако, пересматривая те события, понимаешь, что никакой остановки или задержки в действии не было: что-то случилось неожиданно, и тут же последовала реакция.

Но в тот момент человек раздумывал над тем, как действовать? И сколько он раздумывал над своими действиями, которые надо срочно предпринять? Когда он прекратил спрашивать себя, что лучше сделать или не сделать среди всех имеющихся вариантов, выбирая и отбрасывая определенные действия из-за их побочных эффектов?

Ответ прост: никогда, потому что человек просто не имел на это времени. Но в этом есть некоторое несоответствие, поскольку по факту он сделал выбор, а потом совершил какие-то просчитанные и разумные шаги, а не действовал случайно или беспорядочно.

Как человек объясняет свои действия после случившегося?

– Я действовал инстинктивно, – говорит он.

Но то, что называют инстинктом, на самом деле является работой разума в тот момент времени, который никогда не существовал.

Безвременность.

Конечно, она существует, просто она неизмеримо мала. Может, правильнее определить это понятие, как «расширенное время». Или лучше: «вечное время». Поскольку его базовое значение не поддается измерению, опускаются все параметры, установленные человеком для его подсчета.

Я никогда не слышал ничего подобного. Да, к вопросу о скорости света: если стало бы возможно перемещаться с этой скоростью, мы смогли бы видеть, что творится за углами. Об этом я в какой-то степени слышал в контексте с Марадоной. Марadona был чемпионом, потому что был быстрее других в своих решениях. Всего лишь на тысячные доли секунды, но этого достаточно, чтобы быть непредсказуемым, когда противник понимает, что уже слишком поздно реагировать. Мысль и действие, нейронная передача, динамический расчет – именно это называется талантом.

Кто-то называл его «коротконожкой». Как бы то ни было, магия Марадоны возникала на глазах у всех, когда мяч попадал в сетку ворот. В действительности же магия возникала, когда прекращался физический контакт кожного мяча с его ногой. Именно в тот момент все

и происходило, только результат еще не был виден. И по сути, после того момента уже никто не мог бы изменить событие. Оставалось лишь наблюдать и – болельщикам – надеяться.

Но Марадона, единственный в мире, знал и чувствовал, что мяч окажется в нужном месте и в нужное время, заранее оценив позиции, расстояние, скорость и движения противников, товарищей по команде, вратаря, расположение ворот и все остальные возможные факторы во всей динамике изменений между ними. Марадона это чувствовал, но даже он не верил до конца в успех. Он праздновал гол, только когда мяч оказывался в сетке. И если бы его спросили, «когда» он сделал все те разумные расчеты, которые привели к такому впечатляющему результату, он бы, несомненно, ответил, что все делал инстинктивно.

Тем не менее, когда мяч отрывается от поверхности бутсы, наступает момент, когда нельзя уже вернуться назад, и результатом этого момента станет радость либо огорчение Марадоны.

Этот момент времени, именно этот, на самом деле бесконечен, и многим он кажется таковым. Это именно тот момент, когда все происходит, и после которого все последующие события можно только наблюдать, но невозможно измерить никакими часами в мире.

* * *

Я совершаю неожиданное действие, быстрое и решительное: протягиваю руку, сжимаю пальцами металлический предмет и начинаю поднимать его широким движением руки, резко разворачивая плечо. Как в теннисе при подаче мяча.

Тяжелый металлический предмет тем временем начал набирать скорость в тот момент, когда я совершил движение, на короткий бесконечно малый миг отведя взгляд от двух женщин.

Я улавливаю, что они меня заметили, но в такой ситуации они могут обратить на меня только ничтожную часть своего внимания, ведь отведение взгляда от противника может стать для них фатальным, и ни одна из женщин не станет этого делать. Потому они остаются неподвижными, чувствуя мое присутствие.

Насколько же надо быть холодными и сосредоточенными, сколько адреналина должно быть у них в теле, чтобы отвлечься друг от друга на мгновение, достаточное для понимания того, что происходит вокруг. Их рассудок, не желая того, должен принять в расчет движение, неожиданно возникшее в самом темном углу парковки, которое явно означает, что я передвигаюсь.

Я слышал, что в среднем непрофессиональные теннисисты могут во время подачи мяча придать ему скорость более 180 км/ч. Я высокий, примерно метр восемьдесят, вешу 78 кг, и я играл в теннис. Но главное – я еще с юности был способен бросить камень на треть дальше, чем кто-либо из моих друзей. Я действительно хорошо умел это делать. А еще я обладал верным прицелом. Это один из тех странных талантов, которые имеет каждый, нечто, что чаще всего совершенно бесполезно. Это дано от природы, только непонятно, зачем.

Женщины, тем не менее оказались вынужденными обратить на меня свое внимание. Обе обдумывали сложившуюся ситуацию. Они старались понять, что происходит в тени, отчего возникло это неожиданное движение.

Именно в этот момент, необходимый для прояснения ситуации, моя рука закончила свое дугообразное движение. Теперь мои пальцы, согласно точным нейронным сигналам, отпускают металлический предмет, и он летит к заданной цели с впечатляющей скоростью и силой. Оценивая цель, в которую я бросил тяжелую железную деталь, я понимаю, что она находится в 15-20 метрах от меня. Деталь, набрав по умолчанию скорость в 160 км/ч к тому времени, как я ее отпустил, пройдет этот путь за считанные доли секунды, несмотря на то, что объект этот плохо различим в тусклом освещении парковки. Естественно, я выбрал эту цель, а не бросил железку, как попало. Выбрал интуитивно, я уже говорил об этом.

Среди всех человеческих инстинктов инстинкт самосохранения действует быстрее остальных, потому моя цель мгновенно успела понять опасность и предпринять защитные меры: отклонить тело, опять же инстинктивно.

Но этого движения оказалось недостаточно. Кусок железа неумолимо попадает в нее, прямо в череп, отчего раздается отвратительный звук. Женщина, получившая удар, падает на землю, как тряпичная кукла, а другая, не задетая предметом, начинает оборачиваться, чтобы посмотреть на меня.

События уже произошли. Дороги назад нет, и последствия моих действий неизвестны. Возможно, я спас хорошего человека и себя одним ударом. Может быть. Если же я, наоборот, ошибочно выбрал цель, то я вывел из игры единственного человека, который мог бы спасти мне жизнь, и женщина, что стояла ближе ко мне, сжимая пистолет двумя руками, убьет меня после того, как повернется. Почему я решил действовать именно таким образом, как я сделал свой выбор, когда я принял это решение – я не мог бы объяснить. «Я действовал инстинктивно».

И вдруг все задрожало вокруг меня, стало темным. Ни звука.

Я пытаюсь сосредоточиться, мыслить разумно. Я оглушен. Сердце бьется, как сумасшедшее, мышцы не реагируют на призывы мозга. Я пробую пошевелиться. С трудом подняв веки, я понимаю, что вокруг царит ночь. Глубокая ночь.

Я как всегда пытаюсь успокоиться. Ничего не произошло, повторяю я себе, ничего не произошло. Опять ты за свое! Это уже случилось! Это было сном! Сном, который я теперь уже хорошо знаю. Он всегда был одним и тем же и всегда заканчивался именно так, потому что на этом моменте я каждый раз резко просыпался.

МАФИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Когда я впервые увидел адвоката Спанну, меня сразу же привлекла одна деталь: обувь. Его ботинки. Они были старыми, очень старыми. Но при этом хорошо сохранились. Черные, с английской прошивкой, начищенные – они, вероятно, совсем недавно побывали у обувщика и обзавелись новыми набойками. Скорее всего, это ботинки фирмы «Church Burwood». При каждом шаге они издавали особый легкий стук, который придавал еще больше серьезности походке немолодого мужчины, подтянутого и ухоженного.

Итак, обувь. Когда я встретил его впервые, эти ботинки привлекли мое внимание куда сильнее, нежели весь остальной вид. Почему-то мне вспомнился кадр из фильма «Крылья свободы», где крупным планом были сняты ботинки Брукса. Брукс являлся одним из приговоренных, который состарился, выполняя социально полезные работы. По факту он был свободен, но совершенно не приспособлен к жизни вне стен тюрьмы, потому даже сожалел о своем освобождении. Он был худощавый и мускулистый, несмотря на возраст, низенького роста, сгорбленный, с руками, напоминающими клешни. Сцена начиналась именно с кадра с изображением его старых, но ухоженных ботинок: черных, блестящих и прочных, как у американских моряков. Что-то вроде марки «Church Shannon». Телекамера начала медленно подниматься, снимая ноги пожилого мужчины, потом развернулась, а затем остановилась на всей фигуре: забравшись на деревянный стол, он собирался вырезать перочинным ножиком надпись «Brooks was here» на балке, на которой повесился несколько мгновений спустя.

Не знаю, почему мне вспомнился тот кадр. Я много раз задавался этим вопросом, но никогда не находил на него ответа. Никогда. Может, мне пришел в голову этот кадр, потому что я всегда полагал, будто по обуви можно много чего понять о человеке. А может, потому что Брукс тоже был ухоженным, серьезным и уравновешенным во всем. Он оставался таким даже на смертном одре. Или потому что в его образе меня тоже поразила именно обувь...

Так вот, адвокат вошел в кабинет в своих примечательных ботинках, на отстроченные подъемы которых плавной складкой спадали кромки синих брюк в светлую узкую полоску. Штанины были безупречно правильной длины, ни миллиметра больше или меньше. Под пиджаком, точно подогнанным по фигуре, виднелась рубашка фирмы «Turndown collar» со стоячим воротничком, белая в голубую полоску. Образ дополнял галстук «Regimental», завязанный не слишком тугим узлом, разумеется, классическим способом.

Этот образ идеально соответствовал профессии адвоката, поскольку подходил для любых случаев, подчеркивал авторитетность, но делал это ненавязчиво. Он как бы ставил адвоката в правильную позицию относительно любого собеседника в любом контексте. Этот образ будто говорил: «Я значу не «больше» тебя, но и не «меньше». Я не хочу казаться высокомерным, но, уважая тебя, я прошу уважать и мое положение. Я ничем не хвастаюсь, не пытаюсь скрыть недостаток каких-то важных качеств, а это значит, что у меня нет личных слабых точек. Я уравновешен. Что произойдет дальше, зависит также и от тебя. То есть я авторитетный с клиентами, безупречный с сослуживцами, подчиняюсь должностным лицам, который нуждаются в подчиненных. И никаких исключений».

Спанна избегал и предотвращал возможные недоразумения и противоречия на невербальном уровне, используя в этих целях костюм: если костюм был темным и плотно сидящим, то адвокат казался неприступным, будто всем своим видом напоминая о принадлежности к определенному сословию. Если костюм был более светлыми и сидел свободнее, это означало, что адвокат готов отступить, быть толерантным, прийти к новому соглашению, внести смелое предложение, иногда не совсем пристойное, если это необходимо. Спанна подстраивался под обстоятельства, да, но всегда ради закона. Он был безупречным с коллегой-противником,

исполняя свой долг. Он доверял должностным лицам, уважал реестры, но также уважал надлежащее применение законов или исключений из них, даже если они не совсем справедливые. И так далее.

«Убедительный» – вот правильное определение для его манеры одеваться.

На самом деле, в его образе не существовало никаких контрастов. Он носил седую шевелюру, густую и подстриженную, и очки, которые имели элегантную хромированную оправу и безупречно чистые линзы.

Адвокат Эджидио Спанна вошел в кабинет, не произнеся в мой адрес ни единого слова, и что-то сказал своему секретарю, которая тут же выпрямилась, приняв более подобающую позу. На мгновение Спанна обратил на меня свой взор, всего лишь на долю секунды, поскольку мог позволить себе посвятить мне именно такое количество времени. Затем он направился, постукивая каблуками своих черных ботинок, к большому кожаному креслу, стоящему за письменным столом, и сел в него, не произведя почти никакого шума, кроме легкого скрипа кожи.

После быстрого взгляда на записку, оставленную секретарем, он медленно снял свои очки, положил их на поверхность стола, расслабленно откинулся на спинку, а затем поднес обе руки к лицу. Это была единственная минутка отдыха, которую он мог себе позволить только наедине со знакомыми людьми: коллегами, друзьями и родственниками.

Снова надев очки, быстро и решительно, он взглянул на меня.

Я, с тех пор, как вошел в кабинет, сидел на одном из двух деревянных стульев с противоположной стороны письменного стола. Стулья были совершенно неудобными, и мне почему-то кажется, что это неслучайно.

К этому времени я уже очень хорошо смог понять этого мужчину, и теперь настал тот день, когда я кое-что ему выскажу. Я устал, и меня не обманут его уловки и изящная манера выражать свои мысли.

Он вопросительно посмотрел на меня и произнес доброжелательно, почти по-отечески:

– Итак, Алессандро, как дела?

Обычный вопрос, просто чтобы прощупать почву.

– Хорошо, – с готовностью ответил я. – Вливаюсь в работу, адвокат.

Односложный ответ. Но подожди, сегодня я тебе все расскажу.

Я уже понял, что с этим человеком ничего нельзя бросать на ветер, тем более слова. Потому что слова занимают время, а брошенные впустую, они требуют дополнительных усилий, приводят к разбросу понятий, создают эффект домино, который необоснованно затрудняет любые обсуждения. Магическим словом в разговоре с адвокатом Спанна являлось слово «суть».

Полагаю, что одна из причин, почему я ему понравился, – это неоспоримый факт того, что я сразу уловил его посыл: «говори мало, слушай много, будь кратким и быстрым». Чтобы стало понятней: с адвокатом Эджидио Спанна ты имеешь полное право быть даже настоящей сволочью, но он тебя будет терпеть, если ты поторопишься.

После моего ответа Эджидио Спанна некоторое время оставался неподвижным, и это означало только одно: ответ поверхностный, этого недостаточно, а значит, я должен продолжить свою мысль.

– Я начал многое понимать о правах и реальности. Шесть месяцев я прихожу в эту контору и работаю, – добавил я, удивляясь той убедительности, которая прозвучала в моем голосе, – и мне очень нравится. Особенно мне нравится уголовное право. Оно самое прагматичное в процессе, самое интересное при практическом применении.

Адвокат слегка нахмурился, уловив некое несоответствие моих слов и выражения лица.

– Но что несомненно – так это путь, который мне еще предстоит пройти, – продолжил я.

Его взгляд стал прежним, мне даже показалось, что глаза его заулыбались от того, что я вернулся в реальность. Он снова откинулся на спинку, собираясь заговорить.

– У тебя есть много качеств, – начал он, но, судя по его тону, мои качества он считал негативными. Меж тем он продолжил: – Может, даже очень много качеств для этой профессии.

Пауза. Возможность для меня вставить слово, и я ею воспользовался.

– И что право иногда слишком убогое, схематичное, устарелое, – аргументировал я, – и к этому нелегко привыкнуть.

У меня тут же возникло стойкое ощущение, что я изрек невероятную чушь, хотя в реальности я просто высказал свое мнение, что допустимо. Не знаю, где именно я совершил ошибку. Два слова – а я уже в затруднении.

Адвокат снял очки, казалось, нерешительно.

– Убогое, схематичное и... ах, да, устарелое.

Он повторял мои слова, прикрыв глаза и массируя себе виски.

– Именно, – добавил я с плохо скрываемым замешательством человека, который был настолько небрежен, что встал в самую лучшую позицию для получения удара в лицо.

Адвокат поднял глаза и уставился на меня.

– Что такое мафия? – задал он вопрос в упор.

– Хм... В каком смысле, адвокат?

– Я спросил тебя, что такое мафия? Ты практикант с юридическим дипломом. Ты шесть месяцев провел в этой конторе и в судах. Так что такое мафия? Объясни мне.

Ублюдок.

– Ну... Мафия – это... – старался я вспомнить статью на этот счет. – 416 статья уголовного кодекса... Хотя нет! 416-bis... да... «Объединения мафиозного типа». То есть это форма действий, совершенных при отягчающих вину обстоятельствах, лицами, объединенными с целью совершения преступлений... когда, скажем, присутствуют разные отягчающие... да... то есть...

Адвокат Спанна расслабился, почти задремал. Я, возможно, впервые видел его в таком состоянии.

– Я многим людям задавал этот вопрос, – спокойно произнес он с выражением разочарования на лице. Или, может, не разочарования, но сожаления, хотя, вероятно, это было только моим предположением. – И многие не знали, что ответить. Кто-то отвечал туманными определениями, примерно как ты сейчас. Но ведь о мафии так много говорят. Это слово всем известно. «Борьба с мафией», «средства борьбы с мафией», «протесты и манифестации, инициативы против мафии». Многие пытаются ответить на этот вопрос, но многие, по сути, ищут определение только в тот момент, когда их об этом спросили, удивленные очевидностью вопроса. Это ведь все равно, что спросить, откуда берется молоко или какого цвета смола? Но видя мое неподвижное ожидание, они начинают понимать, что ничего об этом не знают, только это им не по душе. Потому они выдают все, что слышали: вооруженные банды, мафиозные группировки, которые просят взятки, убивают, крадут, контролируют поток наркотиков, управляют незаконной деятельностью, получая за все это «грязные» деньги... Все говорят нечто подобное. Но я настоятельно указываю им: то, что они описывают, является элементами, определяющими феномен преступного сообщества, и эти элементы присущи любой преступной группировке. Потому я повторяю свой вопрос: что такое мафия? Когда и почему криминальное объединение называется «мафиозным»? Или лучше скажем: мафиозного типа? Государство очень строго наказывает такие организации. С чем конкретно борется государство и по какой причине, учитывая принятые меры, оно считает эти группировки такими опасными?

Я очень сильно увлекся его речью, мне было любопытно понять, к чему он клонит.

– Я часто вижу нежелание признать очевидные факты: что люди не знают ничего о том, в чем они парадоксально считали себя сведущим. Например, что такое мафия. Это ведь ясно, что люди не могут знать все. Это святая правда. – Он снова посмотрел мне в глаза. – Но ты,

который так хорошо определил право, как убогое... и... ах да... устаревшее, ты должен был бы дать мне конкретный ответ, тебе не кажется?

Однажды я видел по ТВ бегущую строку. Там было написано: «Мафия – это гора дерьма». Вот, в тот момент я себя чувствовал находящимся под той горой. Мое молчание было красноречивее любого ответа. Спанна не расвирипел, не сказал мне, что я наглый недоумок, но он заставил меня почувствовать нечто худшее.

– Видишь ли, многие знают, что не имеют никакого понятия о разных вещах: как пишется химическая формула магния, какой точно вес у Плутона и тому подобное. Они этого не знают – и ладно. Это не их работа, они никогда об этом не слышали, у них не было необходимости это знать. И в этом они не находят ничего зазорного. Если ты их об этом спросишь, они ответят: «Не знаю». Но если речь заходит о мафии, то ситуация становится прямо противоположной, поскольку почти все убеждены, что они знают, что это такое, хотя на самом деле имеют об этом понятии очень нечеткое, непонятное, невразумительное представление.

Он даже не хмурился. И я впервые видел его таким разговорчивым. Я напоминал себе человека, который начал смотреть фильм и не может дождаться момента, когда станет ясно, кто убийца.

– Но самое трудное – это поверить, понять, объяснить, что ничто не происходит просто так. Ведь чаще всего, что бы там ни говорили, а мафия «не существует». Или лучше: не должна существовать, по мнению ее членов. Ты знал, что так считают те, которые называют себя «Коза Ностра»? Кажется, что изначально – я говорю это уже много лет – членам запрещалось давать название этой организации. Потому что это сделало бы ее идентифицируемой, а значит, определяемой. Куда сложнее бороться с врагом, которого нет как такового, когда ты даже не знаешь, каков он. Если тебе приходится бороться со сложным явлением, необходимо понимать его хотя бы в общих чертах, и не только симптоматику, составляющую элементы преступности. Если ты знаешь только некоторые черты, фрагментарно, тебя можно обмануть, воспользовавшись твоим невежеством. В этом и заключается коварство механизма мафиозных организаций. Кто научился узнавать его и раскрывать, тот знает ее слабые точки. На самом деле свои слабые точки мафия сама хорошо знает и старается скрыть их, сбивая тебя с толку. Государственные деятели, которые раскусили их, которые смогли распознать этого невидимого монстра, моментально вызвали яростный и безудержный гнев и даже платили за это своей жизнью. Потому что мафия не хочет, чтобы ее раскрыли, и когда появляется кто-то, кто в состоянии понять их истинные механизмы, обличить их, того мафия убивает. Убивает, чтобы самой не оказаться убитой.

Мы почти подошли к сути, подумал я. Сейчас он мне объяснит все. Может быть.

– А теперь, Алессандро, возвращаясь к нам с тобой, не думаешь ли ты, что люди вроде тебя, со всеми твоими качествами и характеристиками, вплоть до того, чтобы чувствовать себя способными определить наше право, как устаревшее, должны быть в состоянии сначала найти ответ на этот простой вопрос? И ты, разумеется, знаешь, что кодекс дает этому понятию весьма точное описание...

Нет. Он мне не скажет, кто убийца.

Из-под горы дерьма раздался мой жалобный голосок:

– Да, полагаю, что мне стоит лучше изучить кодекс, адвокат.

Я был разрушен. Он меня опустил, и я это заслужил.

Я поднялся, чтобы уйти, но Спанна меня остановил:

– Подожди, я хочу тебе кое-что сказать.

– Да, адвокат...

– Я хотел бы поручить тебе одно дело. Послушай меня внимательно.

Поручить мне дело? После всей этой фигни? Я ничего не понимал.

Однако если он сказал «послушай меня внимательно», мне остается сделать только две вещи: молчать и запоминать все, что он говорит. Полагаю, в случае ошибки в качестве наказания я мог бы быть казнен в конференц-зале, а мое тело, лишенное жизни, на несколько дней подвесили бы к люстре, а на грудь поместили бы табличку: «Он плохо запомнил, что должен был сделать».

Я снова сел на стул.

– Есть одна девушка, подруга одного моего друга. Я очень доверяю этому другу, мы с ним давно знакомы.

– Да, адвокат.

– Это человек... как бы сказать... важный. Он у всех на виду, солидный, уважаемый и влиятельный. Но очень замкнутый.

– Да, адвокат.

– Прекрати говорить мне «да, адвокат», – продолжил он ровным тоном. – Эта девушка, его подруга... У них с моим другом возникла одна проблема, и он обратился ко мне. Я хотел отказать, но вынужден был поговорить с ним, не вдаваясь в подробности. Я только попросил в общих чертах обрисовать проблему, и он объяснил. Речь идет об одинокой бедной женщине, он заботится о ней, как может, но сейчас у нее наступил тяжелый период, и она обвинила его в разных вещах... Это те обвинения, которые могли бы испортить его имидж. На самом деле, у нее не все в порядке с головой, поскольку она пребывает в сложной семейной ситуации. Он попросил меня не отказываться от этого дела, а, напротив, взять его. Помогая этой женщине, он не позволяет ей причинить вреда себе, потому что иначе ему придется реагировать, и, возможно, это навредит ей. К тому же, он опасается, что она может оказаться в руках некоторых бессовестных коллег, которые ради денег могли бы обмануть ее и использовать в качестве орудия для достижения собственных интересов. В любом случае, он ее любит и хочет избежать той ситуации, когда ему придется причинить ей вред, защищая себя. Короче говоря, я хочу, чтобы ты этим занялся.

Мне хотелось сказать «да, адвокат», но я промолчал.

– Ты человек, у которого много врожденных качеств, среди которых есть эмпатия. Ты знаешь, что я так думаю на самом деле. Скажешь ей, что я очень занят и передал это дело тебе, а потом я оценю результаты и подумаю, как разрешить эту ситуацию. Короче говоря, ты должен вернуть ее к разумному поведению, но не нанести ей при этом вреда. Сможешь?

– Без проблем, адвокат.

– Отлично. Она будет здесь часа через три, займись ею.

– Хорошо.

Я поднялся и направился к двери, но он снова меня остановил.

– Через несколько дней ты, очевидно, сможешь лучше ответить мне на вопрос о мафии...

Очевидно, адвокат.

Иди в задницу. Иди в задницу. Иди в задницу. Иди в задницу.

Я быстро покинул кабинет и зашагал по коридору. Фанни, секретарь на все руки, как всегда сидела за своим столом, печатая что-то на компьютере. На лице ее застыло неоднозначное выражение, которое она не могла скрыть, некая усмешка, которая зажигала ее глаза зловещим светом.

– Все хорошо, Алессандро?

Вот оно, подтверждение этой усмешки. Это называется «ехидничать». В Бари говорится «bagnare il pane» (дословно: «мыть хлеб», *прим. пер.*), то есть наслаждаться неприятностями других. Хотя, конечно, у меня на лице было и так написано, как меня опустил адвокат Спанна.

– Все хорошо, Фанни. Ах да, через три часа придет клиентка от адвоката. По личным причинам я должен буду...

– Дай мне угадать... – прервала она меня. – Ты должен взять ее на себя.

Стерва. Стерва. Стерва. Стерва.

– Точно. А сейчас я отлучусь ненадолго. Мне надо сходить на почту с Черрати. Если она придет, а я еще не вернусь, проводи ее в кабинет и пошли мне смс, пожалуйста.

– Конечно. Алессандро. Ах да, звонил Мутоло. Ты был у адвоката, и я попросила его позвонить тебе позже.

– Спасибо, Фанни. Ты все правильно сделала.

Я вышел за дверь, представляя Фанни в постели с носорогом. И на лице у нее непременно должна играть эта усмешка.

Выйдя из подъезда, я оказался в самом центре города и медленно направился в сторону стоящих неподалеку многоэтажных зданий. Мне не хотелось вообще ни о чем думать, но чем больше я пытался отключиться, тем меньше мне это удавалось. Тогда я решил, что чашечка кофе поможет мне взбодриться, и направился к набережной.

ИДЕАЛЬНЫЙ ПЛАН

Именно в тот самый момент совсем недалеко, на четвертом этаже шикарного палаццо, за письменным столом сидел адвокат. Дыхание его было тяжелым, прерывистым. Причина тому – избыточный вес. Два пальца, толстые, как колбаски, покрытые совершенно неэстетичным волосяным покровом, быстро стучали по клавиатуре, набирая счет на возмещение доли расходов. Доля эта была весьма значительной. Из нее потом складывалась сумма, необходимая для оплаты консультации, которая никогда не оказывалась.

Такой была система, проходившая испытание: региональный заседатель часто перепоручал свои дела одному и тому же адвокату. Это были особые дела, избранные, очень хорошо оплачиваемые. Адвокат потом, чтобы выполнить поручение, обращался за надуманными консультациями в фирму, с которой был связан региональный заседатель, щедро оплачивающий эту услугу. Речь шла о мнении об относительно незначительном отрывке из документа или об оценке юридической силы принятого решения, и тому подобное. Такой метод сводил к минимуму возможное обнаружение: никаких наличных денег и никаких рисков, все происходило среди бела дня.

Посредством этих «консультаций» адвокат вносил свою лепту в деятельность тех, кому доверял дело. На глазах у всех. Никаких секретов, никаких компрометирующих разговоров по телефону. Все чисто и в рамках расследования. Да, порой лучший способ скрыть что-либо – это выставить на всеобщее обозрение.

Конечно, для управления подобным механизмом нужны надежные люди. А в остальном все законно: контора занимается важными судебными разбирательствами, в которых участвует государственная администрация, поэтому совершенно нормально обращаться в таких случаях за консультациями. Даже наоборот, создается образ ревностного и прилежного исполнителя, готового пожертвовать частью своего дохода, чтобы хорошо выполнить поручение, для чего он и обращается к профессионалам более высокого уровня.

Все знают, что быть «друзьями» может означать хорошо оплачиваемую работу, а потому небольшая игра приносит другие косвенные выгоды: небольшие «одолжения». Они действительно небольшие, зато важные.

Адвокат Пачено – так его звали – конечно же, не терял возможности вступить в максимально прозрачные и честные отношения подобного характера. «Я укажу название вашей фирмы в числе тех, к которым я часто обращаюсь за консультациями, – высокопарно говорил он очередному университетскому профессору или корифею в графологии, – но только исключительно из профессионального уважения, которое я к вам испытываю». Именно это открыло перед ним двери в уникальные круги общества и, если ему что-то было нужно в определенной сфере, не составляло труда получить это со всеми предпочтениями.

Временами адвокат Пачено заявлялся в бар, и могло так случиться, что его приветствовал важный профессор, воскликнув: «Адвокат Пачено! Какая честь! Что закажете?» Ходили слухи, что в таких ситуациях тучный адвокат испытывал молчаливый оргазм.

Подводя итог, можно сказать, что подобные консультации запрашивались у фирмы, созданной специально для этого случая, которая привлекала незанятых профессионалов, время от времени поручала им какое-то дело и оплачивала услуги относительно невысокими суммами. Относительно, потому что три-четыре-пять тысяч евро – это далеко не маленькая цена за простенькое мнение. Фирма потом выставляла счет за услугу в легальную контору, добавляя в него свою – огромную – часть прибыли.

Возможно ли оспорить этот выбор?

Нет. Это частная контора, которая вольна делать то, что считает нужным, учитывая, что деньги, по сути, вычитаются из их доли.

Возможно ли оспорить чрезмерность расходов, произведенных обществом?

Нет. Нельзя поставить в вину зарабатывание денег фирме, которая для того и создана.

Потому все казалось гладким, как масло.

Таким образом, владея пакетом акций другой компании, расположенной за границей, можно работать в условиях полной анонимности и избежать сплетен и клеветы каких-нибудь вездесущих журналистов. Иначе они могли бы раскрыть, что начальник делает все это для сестры заседателя.

Существует миноритарный акционер: менеджер, доверенное лицо, получающий хорошую заработную плату, потому не задающий лишних вопросов, но находящийся у всех на виду, чтобы не создавать ощущение пустой коробки.

На самом деле это отличная система. И даже если бы ее раскрыли (что само по себе затруднительно), было бы сложно выдвинуть обвинение в совершении преступления. Взятки ведь не зафиксированы. Участники меняются, а игра остается. Их было больше одного – тех, кто политически чередовался, и после некоторой шлифовки или отчуждения доли «облигаций внешнего займа» система быстро встала на ноги. Под охраной причем. Если бы кто-то заговорил, то фактически он обвинил бы самого себя, а преступление вряд ли доказал бы. К тому же, в этом случае он встретил бы недовольство группы. В связи с чем – молчание и Порш для всех.

Единственной слабой точкой являются начальные этапы достижения соглашений и их корректировка по ходу дела. Это были такие моменты, когда необходимо показать, как обстоят дела на самом деле, некий проверочный элемент, который может раскрыть все и обнаружить преступную природу. Но с помощью нескольких простых предосторожностей риск сводился к нулю. Это совершенно несравнимо с теми дураками, которые время от времени попадают на передаче конвертов, полных наличных на сумму в несколько тысяч евро. Так думал адвокат, вбивая окончательную сумму в размере 350 000 евро. Из нее он вычел налоги, расходы и «консультацию» и получил 150 000 евро для себя.

Закончив печатать, адвокат Пачено почувствовал себя, как это часто с ним случалось, богом на земле. Он ничего ни у кого не украл. Это было всего лишь справедливым вознаграждением тому, у кого интеллект выше. А точнее тому, кто «выше». И все это в основном помогло ему спрятаться от мира и от себя самого, от убожества своей души.

ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТОВ

Я долго шагал вдоль дороги, перпендикулярной морю. С тротуара, по которому я шел, невозможно его видеть, но все равно чувствуется его близость.

До определенного времени, примерно часов до 17, двери и витрины магазинов оставались закрытыми после обеда. «*La controra*» – так называется этот период сиесты в Бари. Потому что стрелка переходит от цифры «12» к цифре «13», и как бы начинается новый отсчет времени («*controra*», или «*contro ora*», «в направлении к часу», *прим. пер.*). Послеобеденное время – это пауза, время покоя, когда даже трафик на дороге практически прекращается.

В семидесятые года *la controra* была почти священным социальным ритуалом. Создавалось ощущение, что играет сборная по футболу: город вымирал и становился тихим, будто застывшим, неподвижным, закрывшимся в себе. Теперь все изменилось, прогрессивно «миланизировалось», но *la controra* осталась.

Я прикрыл глаза, желая остановить момент. Перед сомкнутыми веками стояла чудесная картина, отпечатавшаяся в памяти приятным ощущением. Оно возникало внутри при каждом удобном случае.

Жизнь соткана из мгновений, которые следуют одно за другим в неудержимом ритме, и каждый из нас неосознанно ощущает этот ритм жизни на себе. Мгновения эти так близки друг к другу, что их практически невозможно разделить. С большой скоростью следуя друг за другом, они образуют поток мгновений. Я называю это явление принципом братьев Люмьер. Сложно сказать, чем они занимались в большей степени: кинематографом или психологией.

По-моему, это и есть поток жизни, «которая убегает, будто шелковый платок меж пальцев», и которая во время этого бега дает необычное ощущение, «что ты только начал жить, как жизнь уже закончилась».

В этом ритме человечество обладает неосознанным знанием, объясняющим наслаждение музыкой – универсальным языком, который пролетает, объединяет и выделяет отдельные мгновения из этого многообразного потока моментов, делая их заметными. Музыка завладевает этим потоком, делает его осязаемым и управляет эмоциями. Это то, что часто называют «совместным рассмотрением», имея в виду динамическое видение большего количества элементов, связанных между собой, с учетом дополнительных аспектов, собранных дедуктивным методом.

Это работает также в отношении ощущений. Эти аспекты, если оценить их по отдельности, никогда не могли бы быть выявлены и рассмотрены сами по себе.

Мгновения, последовательность, поток.

Результатом правильной проективной и перспективной дедукции этих аспектов, разбросанных кадров, которые, объединившись вместе, образуют движение, является дальновидность. Иногда, напротив, речь идет о естественных и предсказуемых сигналах, скрытых только для людей, которые видят эти элементы отдельно друг от друга.

Но совместное рассмотрение предполагает отсутствие такого явления, как неведение. Как пример, можно взять игру в шахматы: в то время как один видит только фигуру в форме кегля,двигающегося лишь на один шаг, или фигуру в форме ладьи, перемещающейся только по прямой, другой, кто знает динамику игры в шахматы, понимает, что происходит на шахматной доске на самом деле, и знает, что произойдет через несколько ходов.

Я был полностью согласен относительно этих принципов с адвокатом Спанной, который говорил: «Чтобы бороться со сложным явлением, нужно понимать его частные элементы, а не только симптоматику, которая определяет признак преступления. Если тебе известны лишь некоторые аспекты, фрагментарно, то тебя можно обмануть и извлечь выгоду из твоего неве-

дения. Это и является коварным механизмом организаций мафиозного типа. Тот, кто смог его понять и раскрыть, знает, каковы его настоящие слабые точки. И эти точки мафия сама прекрасно осознает и старается скрыть, запутывая тебя».

Открыв глаза, я вернулся в реальность. Написав смс Черрати, я остановился в ожидании возле бара, расположенного недалеко от адвокатской конторы. Медленным, но решительным шагом я пересек дорогу и вошел в пустое помещение. Бармен, похоже, даже не заметил меня, хотя и стоял, повернувшись лицом ко входу. По особому звону я догадался, что он расставляет бокалы в шкафчике, расположенном под барной стойкой, за которой обычно пьют напитки. Клиентам не был виден этот шкафчик, откуда словно по мановению волшебной палочки появлялось все: от кусочков лимона до пакетиков подсластителей, которые в некоторых местах выдаются только по отдельной просьбе («...я их не выкладываю, потому что иначе их постоянно крадут девушки, которые сидят на диете...»).

Я быстро пересек пространство между входом и барной стойкой и оказался напротив бармена, продолжающего возиться с бокалами, даже не поднимая на меня взгляд, хотя теперь стало ясно, что он видел, как я вошел. На самом деле, я этому несколько не удивился. Это было нормальной практикой во многих местах. Я часто задавался вопросом, почему некоторые бармены так себя ведут, что в рамках языка тела можно определить как «защитное поведение»?

Конечно, существует масса правдоподобных гипотез такого поведения, а также есть статистически вероятное объяснение: тот, кто входит в бар, может быть агрессивно настроенным безумным правонарушителем или тем, кто скажет: «Налей мне что-нибудь, только я не собираюсь за это платить». Или он может быть одиноким грабителем.

Другое предположение, довольно отдаленное, но потенциально возможное: вошел клиент, напомнивший дежурного банкира, побившего бармена в детстве.

Да, объяснений, оправдывающих его явное недоверие, могло быть множество. Однако все они казались какими-то далекими и невероятными.

Может, на самом деле, он просто устал от клиентов? Кто знает...

Остановившись в нескольких метрах от бармена, я застыл неподвижно и молчаливо, стараясь не делать резких движений и наблюдая за его реакцией. Моя попытка выпить кофе переросла в настоящую дуэль. Для полноты картины не хватало только парикмахера, ковбоев, выскакивающих из салона, и женщин, прикрывающих детей. Именно для тех, кто входит в бар в подобной ситуации, придумали термин «завсегдатай»: это тот, кто рискует, кто смелый, кто бросает вызов судьбе. Индиана Джонс, короче.

Несмотря на пафосное молчание, ничего не происходило. Поэтому я, собрав смелость в кулак, решил сделать первый шаг и открыть огонь.

– Добрый день.

Руки бармена остановились, хотя я их не видел, ибо они были полностью скрыты в том мистическом шкафу. Но бармен наконец обратил свой взор на того, кого в просторечии зовут клиентом. Я думал, он вытащит откуда-нибудь винчестер и прикажет мне покинуть свои владения, добавив: «Если ты, конечно, хочешь еще раз увидеть рассвет, чужестранец». Но вместо этого он продолжил суетиться за барной стойкой, бросив:

– Добрый день.

Разумеется, с точки зрения диалога, наш разговор был очень далек от понятия «общение», но начало положено. Я решил воспользоваться случаем и вежливо попросил:

– Пожалуйста, приготовьте мне кофе.

Я в самом деле был очень осторожным и попытался не показаться слишком агрессивным или, напротив, нерешительным в своей просьбе, стараясь следовать принятым правилам хорошего тона в подобных ситуациях, которые позволяют избежать нежелательной реакции бармена. То есть я старался не выглядеть ни жертвой, ни агрессором.

Бармен не ответил, взглянув на меня с тем же самым выражением, которое в своей книге Стефано Бенни описал, как «корова на проходящий поезд», то есть абсолютно невыразительно и равнодушно, будто я был самым обычным клиентом, неспособным привлечь хоть какое-то к себе внимание.

Тем не менее некое подобие начала социально-динамического процесса все же произошло, потому что бармен медленно повернулся и начал возиться с кофе-машиной. Громко постучав по банке с кофе, которую он предварительно достал из ящика, он наклонил ее градусов на 30. Я, успокоенный, ослабил свою защитную оборону и посмотрел в окно, чтобы проверить, не пришел ли еще человек, которого я ждал.

Через некоторое время дымящаяся чашка с кофе заняла свое место на заранее приготовленном блюде. Я вежливо попросил подсластитель, кивнув на барную стойку, под которой бармен его прятал. Он с удивленным видом вытащил пакетик с сахаром и положил его на тарелочку, возможно, размышляя об утечке логистической информации о своем баре.

Кофе оказался горячим, но это не было поводом подметить этот факт. Я даже не предпринял попыток указать бармену на этот не слишком хороший признак, поскольку знал, что недовольные клиенты чаще всего устаиваются мрачного взгляда или выражения лица, которое будто говорит: «Иди в задницу! И спасибо, что выбрал наш бар».

Молча заплатив за кофе, я вышел из бара и огляделся.

– Адвокат!

Слева я увидел приближающегося ко мне запыхавшегося Черрати. Он был «другом и почти клиентом почти адвоката Алессандро». Его неприятности казались запутанными и безвыходными, хотя на самом деле были пустяком, который даже такой студент, как я, вполне мог разрешить. Не было никакой необходимости обращаться к настоящему адвокату, и Черрати в обмен за это предоставил мне на несколько выходных свой дом у моря, не догадываясь, что это лишь задерживает мою работу, и не ведая, что я сделал себе копию ключей от его жилища.

Стоит добавить сюда лозунг Черрати: «Я сломаюсь, но не объяснюсь». Обычно, чтобы понять хоть что-то о новом случае, требуется примерно час беседы и шесть-семь призывов к порядку. Известная фраза «объясни мне все так, будто мне всего пять лет», сказанная в фильме «Филадельфия» Дензелом Вашингтоном в роли адвоката, поспособствовала улучшению объяснительной способности Тома Хэнкса в роли клиента. Та же самая фраза, произнесенная ранее мной, вызвала аномальную реакцию у Черрати:

– Адвокат, я бы никогда себе такого не позволил!

Да, жизнь – это не фильм.

В остальном моя короткая профессиональная деятельность не отличалась особым и заметным успехом. Меня нельзя назвать глупым, конечно, но я никогда не являлся эталоном для подражания в классе. Наиболее близкое определение для меня – это скорее «умный, но легко отвлекающийся». Таким образом, во время периода обучения, необходимого для получения диплома (примерно, в два захода), я очень много отвлекался. В особенности на женщин, которые меня откровенно околдовывали.

Открытие новых миров будит инстинкт исследования и множество других инстинктов. Иногда необходимая психосоциальная гармония в отношениях с противоположным полом не достигалась, несмотря на очевидные оптимальные предпосылки, но я никогда не был «хищником». Меня по жизни определяли термином «странный тип» в этом плане, потому что я нуждался в большом количестве сопутствующих факторов, чтобы оказаться с женщиной в постели. Короче говоря, нужно было нечто такое, что я даже не в состоянии точно определить, хотя я и не пытался, на самом деле. Ясно, что речь идет не о красоте. Но по-своему мне это нравилось и происходило, скажем так, нередко.

Как бы там ни было, когда алхимия случалась, искры летели во все стороны, эмоции достигали предела, меня охватывала страсть, и я получал неповторимый опыт. Это напоминало

оркестр, совершенную точку равновесия. Отрицать это или делать вид, что я ничего об этом не знаю, бесполезно. Иногда это даже напоминало не химию, а магию: соучастие, свежесть, любопытство, неподчинение и новизна. В шаге от рая. И под двумя лунами во Вселенной.

Потом, после учебы с переменным успехом, я наконец получил диплом и начал свою практику – период основной стажировки в одной или нескольких адвокатских конторах, когда будущий адвокат должен экспериментировать, испытывать себя и учиться применять все теоретические знания, полученные во время обучения, на практике. Короче говоря, это обучающий период для многих, но некоторыми он определяется, как классический опыт под 90 градусов. Не всем предоставляется реальная возможность научиться чему-либо. У меня же была эта возможность понять кучу вещей.

Многие утверждают, что в жизни важно иметь ценности. Однажды я видел бронированный фургон с военными, на борту которого было написано «ПЕРЕВОЗКА ЦЕННОСТЕЙ». Никогда еще этика не казалась такой ценной.

Черрати подбежал ко мне, задыхаясь. Он был одет в привычной манере: нечто среднее между бюрократам и режиссером французского трансавангарда. Через плечо у него висел кожаный портфель, теперь уже потрепанный и деформированный набитыми туда документами непонятного происхождения, а под локтем он зажимал стопку бумаг, смешанных с газетными вырезками и разнообразными конвертами с письмами. Все это было вложено в ежедневник, которому позавидовали бы коллекционеры.

– Адвокат, мамма мия, извините за опоздание, но всегда очень сложно припарковать машину в центре. Представьте, пока я искал парковочное место, кое-что произошло... Нечто ужасное... Одна синьора..., пока я смотрел на парковку..., учитывая, что я всегда осторожен... она появилась неожиданно, адвокат... Ясно, что такое нередко случается... Но она появилась с сумасшедшей скоростью... я вам говорю... Но ведь там бегают дети... не знаю...

Черрати во всей красе.

– Простите, Черрати... – прервал я его.

– Нет, адвокат, что вы говорите? Вы меня извините... Ведь я...

– Хорошо, Черрати. Я понял, что вы имели в виду. Бывает. Кстати, вы принесли документы?

– Конечно, адвокат! Да... Вот они. Я вам обещал, что все будет в порядке, как вы и просили!

Сказав это, он протянул мне стопку писем, которую я заметил ранее. Понятие «в порядке» из уст Черрати было научной демонстрацией эффективности термина «относительно»: бесформенная стопка помятых бумаг предназначалась мне. Я инстинктивно сомневался, брать ли эту стопку, но Черрати протянул руку еще немного вперед.

– Спасибо, Черрати, – сделал я над собой усилие и взял бумаги. – Я просмотрю документы при первой же возможности.

– Мадонна, конечно! Да... Я подумал, что вы, пожалуй, слишком заняты важными делами... и я должен быть благодарен вам...

Слишком занят важными делами... Естественно...

– Хорошо. Мне нужно идти, потому что, к сожалению, меня ждет еще одна встреча, на которую я не могу опоздать, – сказал я.

– Ах! Но постойте, адвокат, если у вас есть пара минут, я вам поясню, чтобы вам было понятнее...

– Спасибо, Черрати, но я предпочитаю поговорить об этом после изучения материалов. Как только я это сделаю, я вам позвоню...

С этими словами Черрати отошел от меня, с тоской наблюдая, как исчезает возможность за часок обрисовать мне «в общих чертах» это дело. Я, напротив, собирался к 16:45 вернуться, потому что у меня была назначена встреча.

* * *

Едва я закрыл за спиной дверь, как факс, стоящий на столе Фанни, издал тихий сигнал, зажужжал и начал медленно выпускать из своего отверстия, которое иногда кажется эволюцией «Уст истины», письмо из судебной канцелярии. Улыбка с лица закостенелого секретаря начала постепенно исчезать по мере появления из факса ровных строчек. Когда документ отпечатался полностью, и она дочитала его до конца, можно было подумать, глядя на ее лицо, что в этом письме предсказали конец света.

Не произнеся ни слова, Фанни взяла оба листа и нерешительно двинулась к кабинету адвоката, открыла дверь, а потом закрыла ее за собой мгновением позже. Затем заняла свое место и продолжила работать на компьютере, будто ничего не случилось. Но в воздухе повисло странное молчание. Оно напоминало «черную дыру», потому что буквально звенело, заглушая любые шумы, звучащие в офисе. Атмосфера казалась сюрреалистичной.

Эстер, молодая сотрудница, племянница адвоката Спанна, которая занимала первый кабинет слева, выглянула из-за двери, будто почувствовав гнетущее молчание, подошла к Фанни и произнесла всего четыре слова:

– Только не говори мне...

Фанни быстро посмотрела на нее и ничего не ответила.

Эстер приложила руку ко рту и поспешно ретировалась в свой кабинет, закрыв за собой дверь.

Иногда события в жизни пересекаются непостижимым образом, создавая беспорядок. Этот вполне демократичный процесс, но довольно дьявольский. Шарик на рулетке в тот вечер остановился на поле адвоката Спанна.

Все адвокаты в роли защитника по определению «выигрывают» или «проигрывают» процессы. Статистически невозможно всегда выигрывать или, наоборот, проигрывать дела. Так же, как невозможно представить, чтобы адвокат не рассчитывал – всегда – на вероятность того, что защищаемая сторона, называемая «клиентом», несмотря на благоприятные прогнозы, проиграет дело. Следовательно, логично ожидать некую мрачность в этом случае на лице проигравшего. Но адвокат Спанна, напротив, даже глазом не моргнул, когда, надев очки, спокойно прочитал заключение судьи по гражданским делам, признавшего клиента проигравшей стороной в процессе развода.

Эта сцена навела воспоминание строчек из песни Джаначчи, который пел примерно: «... это те, кто... Когда проигрывает Интер ... или Милан... говорят, что это всего лишь футбольный матч, а потом возвращаются домой и бьют детей... (Ууууу ееее...)».

Адвокат отложил листы, взял телефон и вышел из кабинета, будто ничего не произошло. Проходя мимо меня, он сказал вполголоса:

– Я скоро вернусь...

И естественно он не заметил присутствия Мутоло, неподвижно и отлично замаскировавшегося под коврик в коридоре.

МУТОЛО

Мутоло было под семьдесят. Он был худым сухощавым мужчиной, с которым я познакомился в коридорах университета незадолго до получения диплома. Я видел его идущим на лекции холодными вечерами и задавался вопросом, кто это такой? Изначально я полагал, что он тоже студент, желающий получить диплом. Многие так делают: идут на пенсию и, имея массу свободного времени, взрослых детей и налаженную жизнь, решают исполнить старые мечты, нереализованные в молодости, такие, как, например, диплом, который по многим причинам не удалось получить в свое время.

Но потом я понял, что Мутоло не имеет к таким людям никакого отношения. У него не было с собой учебников, тетрадей и прочих вещей, которые есть у всех студентов. Да и вид он имел опрятный и преисполненный достоинства. Одевался Мутоло всегда более или менее одинаково, никогда никому не смотрел в глаза, даже своему собеседнику. Время от времени он доставал откуда-то бутылку воды и сдержанно делал из нее глоток. Очень часто он невероятным образом оставался незаметным, пока не начинал двигаться по какой-нибудь причине: высмаркивал нос или отпивал воды из той бутылки, которая материализовывалась из ниоткуда. Я с любопытством начал присматриваться к нему и заметил, что Мутоло был способен оставаться неподвижным часами, будто дорожный комедиант, который принимает вид статуи.

Однажды вечером я все же раскусил его по отдельным особенностям поведения и впоследствии подтвердил свою догадку, расспросив привратника. Тот поведал мне, что Мутоло приходил в университет только в зимний период, в частности, в самые холодные дни, никогда ни с кем не общался, да и вообще мало кто замечал его присутствие. Говорят, что он очень одинок, у него нет никого в целом мире, а от студентов он получает купоны в столовую, по которым питается там. Это мне показалось странным, потому что по причине его преклонного возраста он не мог бы сойти за студента. Я сделал вывод, что, очевидно, и там его никто не замечал.

Однажды утром, незадолго до Рождества, я отправился проведать друга в больнице. Речь идет о большой больничной структуре, куда посетители могут приходиться и уходить в любое время. Я там оказался около полудня и, покидая больницу, чтобы вернуться домой, заметил Мутоло позади складского помещения. В тот момент он давал монетку какому-то медицинскому работнику. Через некоторое время тот принес ему одноразовый поднос, заполненный больничной едой. Должно быть, это были остатки еды, которую не съели больные, потому что пациентам родственники чаще всего приносили много вкусностей из дома.

Эта сцена позволила сложить мозаику: Мутоло не крал, Мутоло не просил милостыню, Мутоло не жаловался, не унижался, Мутоло просто изо всех сил старался выжить. Очевидно, он вращался на факультете юриспруденции, поскольку помещение было теплым, и к тому же здесь можно было добыть еду за хорошую цену. Кто знает, сколько еще таких мест он придумал...

Я испытал бесконечное сочувствие в отношении этого искусно маскировавшегося мужчины, и почувствовал непреодолимую потребность сделать хоть что-то для него.

Через некоторое время я решил наладить с ним контакт. Мутоло стоял в коридоре, рядом с конвекторами, около окна. Сделав вид, что я остановился возле него случайно, чтобы положить на мраморный подоконник две книги и надеть куртку, я самым банальным образом извинился за беспокойство. Он отнюдь не выглядел недовольным, но в его глазах было столько печали, будто он страшно сожалел, что наше общение на этом неумолимо закончится. На следующий день я, встретив его снова, поздоровался. Он, казалось, растерялся и даже испугался. Остальное произошло само собой.

Мутоло действительно был пенсионером. Пенсию он получал минимальную и жил в арендуемой квартире. В реальности, он с трудом дотягивал до конца месяца, несмотря на все жертвы. Об остальном я не расспрашивал, но полагаю, у него были дети, которые теперь разбрелись по миру и не поддерживали (или почти не поддерживали) с ним отношения. Он был вдовцом, одиноким человеком.

После этого мне пришла в голову идея: я придумал несусветную чушь, чтобы его не обидеть, но чтобы он в нее поверил. Я наплел, что у меня есть надежный человек, управляющий ресторанными гидами, и ему необходим таинственный покупатель, так называемый «таинственный клиент». В обязанности Мутоло входил поход на обед или ужин в некоторые заведения, указанные мной (по безоговорочной договоренности, что оплачивающая фирма никогда не будет названа), чтобы затем представить подробный отчет на тему качества еды, быстроты обслуживания, любезности персонала и тому подобного. После некоторого нерешительного сопротивления с его стороны заверение о том, что ему будут выданы наличные деньги для оплаты еды, все же заставило Мутоло принять предложение без дальнейших ненужных вопросов. Так он и занялся исполнением своих обязанностей.

Я начал с рождественского обеда.

– Мутоло, – сказал я ему утром с видом человека, ни на что не надеющегося, – понимаю, что для вас это было бы огромной жертвой, но не могли бы вы отправиться на обед 25-го числа? – спросил я, а потом добавил умоляюще: – Знаете, для меня очень важно выглядеть достойно перед фирмой-заказчицей, а найти кого-то на эту дату весьма сложно. Для меня это много значит, я был бы вам очень признателен.

Таким образом, Мутоло, облачившись 25 декабря в пиджак и галстук, ровно в 12:45 по национальной шкале времени атомных часов, как и обговаривалось, вошел в ресторан «*La Lanterna*», где предварительно был заказан столик. Он располагал бюджетом максимум в 120 евро, включая напитки. По корпоративной этике попробовать нужно было закуски, первое блюдо (либо два по выбору), второе блюдо, гарнир, фрукты, сладости и кофе. А еще шампанское в честь праздника, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. В соответствии с требованиями несуществующей компании, он должен был выглядеть обычным клиентом, чтобы никто не раскрыл в нем какого-то особенного посетителя, к которому нужно проявить особую заботу и внимание, что исказило бы результат оценки.

Все прошло превосходно, и 28 декабря, как и договаривались, мы встретились с ним в баре возле университета. Мутоло передал мне, прячась от любопытных глаз, конверт, содержащий чек на 78 евро, сдачу от полученных им 120 евро, отчет на трех листах, исписанных от руки совершенно нечитаемым почерком, где Мутоло указал даже цвет ботинок официанта и кучу разных других деталей, излишних абсолютно.

Официальным тоном я сообщил, что фирма (а также я) очень благодарит его за проделанную работу и в скором времени предоставит формуляр, который он должен будет заполнять, исключительно анонимно, чтобы облегчить сбор и обработку данных.

Он покинул бар счастливым, но как всегда украдкой, и я задался вопросом, не стал ли я жертвой приступа чрезмерной доброты или не оказался ли просто безмозглым дураком? Не будучи в состоянии найти ответ на этот вопрос, я решил, что неплохо иногда пожертвовать своими небольшими деньгами на такое дело, и пожелал Мутоло счастливого нового года, не без моего участия, разумеется.

Со временем, лучше узнав его, я в очередной раз понял, что все в жизни имеет свои причины.

СВЕТЛОЕ ПЯТНО

После получения факса, я поспешил подготовить все к встрече с клиенткой. До 17 часов оставалось всего несколько минут.

Самым ценным жестом адвоката Спанни было то, что он предоставил мне один из кабинетов своей светлой и уютной адвокатской конторы. Да, именно сама контора была светлой и уютной. Чего нельзя сказать о моем кабинете, который являлся чем-то средним между чуланом и складским помещением: без окна, в самом конце коридора, с дверью, почти скрытой за книжным шкафом. В качестве компенсации кабинет меблировали старинным письменным столом, возможно, даже полученным по наследству, на котором гордо возвышался компьютер самого последнего поколения, соединенный с централизованным сервером и принтером. Напротив стола стояли два деревянных стула, отлично гармонирующие со столом. Короче говоря, это было крошечное помещение, но достойное.

Женщина возникла на пороге моего кабинета в 17:32. За несколько мгновений до этого я услышал легкий и ритмичный стук ее каблучков, пока она шла по коридору. Я же сидел за своим письменным столом из темного дерева, делая вид, что занят чем-то очень важным. Такая тактика называлась «планом «В»».

Я открыл старое и объемное досье, рядом положил кодексы и небрежно раскидал три-четыре листа бумаги. Лучше было бы, конечно, собраться с мыслями и заняться делом, потому что адвокат Спанна никогда бы не простил мне подобную ерунду. Меня предупредили, что женщина немного не в себе, да еще и без денег, которая к тому же в чем-то ошибается. Это не совсем то, что «аспирант, почти адвокат» ждет от жизни. Кроме того, другу адвоката Спанни было уже за пятьдесят, и он отнюдь не являлся красавцем. Вероятно, его подруга была примерно того же возраста. Пожалуй, она могла даже страдать ранним старческим слабоумием. Потрясающее начало.

Это поручение, естественно, не являлось тем случаем, на котором можно прославиться и разбогатеть, а потом бросить работу и переехать жить в Монте-Карло. Что-то вроде: «Самое загадочное убийство богатого бизнесмена с участием прекрасной и скучающей наследницы было блестяще раскрыто благодаря интуиции нижеупомянутого почти адвоката, следствием чего стала история неудержимой страсти, сюжет которой лег в основу фильма, снятого по мотивам реальных событий с прогулками в Каннах...»

Нет. Ко мне явилась «осточертевшая заноза в заднице», которая уже стояла в дверях, судя по замолкшим шагам, а я продолжал делать вид, что ничего не замечаю.

Отведя взгляд от монитора, я посмотрел на письмо с планом «В» и вспомнил фразу, которую часто слышал от моего знакомого – престарелого и не самого успешного адвоката: «Это плохая профессия». План «В» предполагал неожиданное отведение взгляда от компьютера, будто я занимался каким-то очень сложным делом, потому даже не заметил появление человека, которого ожидал, но которому по причине чрезмерной занятости не мог посвятить много времени. И я решил ее принять только потому, что она была подругой друзей, иначе такой занятый человек, как я, ни за что не смог бы найти время на встречу с ней.

Я хотел заставить клиента поверить именно в этот заслуживающий почтения план «В». Настоящая «заноза в заднице».

Только отведя взгляд от экрана, я очень быстро передвинул рукой мышку и задел ручку, которая, отскочив от пола, полетела прямо в ноги клиентке и остановилась между двумя чистыми незамысловатыми сандалиями на невысоком каблучке. В этот раз обувь совершенно не привлекла моего внимания. Я продолжал рассматривать ее тонкие лодыжки с легким загаром. Глядя на ноги, я дал бы ей, как максимум, лет тридцать.

План «В» начал колебаться.

Мой взгляд с постоянной скоростью заскользил вверх, рассматривая длинные и мускулистые икроножные мышцы, и остановился на идеальной форме коленках. Дальнейшее находилось за линией приличия и прерывалось подолом легкой юбки из мягкой ткани, белый цвет которой подчеркивал загар кожи ног. Простая красная футболка облегла тонкую и изящную талию и с трудом прикрывала пышную и высокую грудь. В левой руке женщина держала за ремешок сумку, а правая рука свободно висела вдоль туловища. Пальцы у нее были длинными, но без каких-либо украшений и лака на ногтях.

Максимум тридцать пять лет.

Наконец-то я дошел до лица! Нежного, без макияжа, в окружении растрепанных волос каштанового цвета. Взгляд карих глаз этой женщины разбил вдребезги весь план, который имелся в моей голове (хотя он рисковал разрушиться уже на этапе разглядывания ног и всего остального). В ее глазах сквозила глубокая покорность, которую я не мог бы интерпретировать, но которая привела меня в замешательство. Это был потухший взгляд, в котором единственными живыми лучиками являлись смущение и отчаяние.

– Простите, – пробормотал я, тут же пожалев о произнесенных словах, поскольку мне не за что было извиняться, и это являлось явным признаком моего смущения. – Располагайтесь, прошу вас, – предложил я, указывая на один из двух стульев возле моего письменного стола.

– Спасибо, – ответила женщина, со всей элегантностью опускаясь на стул.

Положив ногу на ногу, она немного обнажила ту часть, которую до этого скрывала юбка. Я окончательно завис и даже не замечал, что мой взгляд слишком надолго задержался на ее загорелых бедрах. Я продолжал стоять там, где и остановился: по другую сторону стола, в абсолютном молчании. Пытаясь взять себя в руки, я посмотрел на ее лицо с тем же выражением, которое было написано на лице бармена или коровы Стефано Бенни, смотрящей на проходящий поезд. Учитывая способность женщин почувствовать, что кто-то рассматривает их грудь, находясь даже на расстоянии трех кварталов, наивно полагать, что она не заметила мою растерянность и не занесла меня в категорию «слюнявых».

Наверняка она была привычна к тому, что люди считали ее миловидной, но я больше других тревожился, поскольку как раз я и не должен был подмечать ее красоту, и меня очень напрягал тот факт, что клиентка могла превратно понять мое поведение. Я совершенно потерял контроль над ситуацией, в которой нужно было идти вперед, будто ничего не произошло.

Какое-то время женщина смущенно молчала. Возможно, она тоже была обеспокоена этой ситуацией. Потом Вирджиния (так ее звали; мне это подсказал мой безошибочный нюх сыщика) в попытке – законной – побороть это смущение, сказала нечто, что выглядело совсем уж абсурдным в сложившейся ситуации:

– Садитесь, прошу вас.

Я сумел добиться того, чтобы она предложила мне располагаться в моем же собственном кабинете! План «В» отныне уже плавал, наверное, в Индийском океане.

Тем не менее ее слова встряхнули меня, и я попытался прийти в себя. Маг я или не маг по возвращению в реальность?

– Ах, да! Простите меня, я слишком погрузился в очень сложное и срочное дело. Что делать, такова моя работа, – развел я руками, глупо улыбаясь.

Услышав такие слова, моя собеседница в тот момент должна была бы подумать нечто вроде: «Черт подери, какой занятый адвокат! Наверное, он очень хороший специалист. Кто знает, каким интересным делом он занимается!» Но учитывая выражение лица женщины, я сделал вывод, что ее мысли в моем отношении были куда менее лестными, что-то вроде: «Какой дурак».

Тогда я решил, что просто обязан разрулить эту ситуацию и направить ее в правильное русло. В конце концов, я был аспирантом, почти адвокатом, а она – моей клиенткой. Более того,

она являлась «осточертевшей занозой в заднице», без гроша за душой, и я сделал одолжение принять ее только потому, что она была подругой друзей, черт подери!

Я обошел вокруг стола и сел возле нее на второй стул. Пока я совершал этот маневр, Вирджиния повернулась и оглядела кабинет. Я почти отчетливо уловил ее недоумение, но постарался вести себя, как профессионал.

– Адвокат Спанна мне немного рассказал о вас, синьора, но только в общих чертах. Как вы, очевидно, знаете, я буду заниматься этим делом, а потом передам сведения адвокату для оценки. Это делается лишь для того, чтобы сэкономить время, иначе процесс затянется надолго. Объясните мне, что произошло.

– Ну... адвокат... Да, конечно... вот... Это кое-что... кое-что... немного сложное...

Взгляд женщины, если это возможно, стал еще более мрачным, и, произнося эти слова, она сменила позу, поставив ноги вместе, соединила пятки и положила руки на колени. Опустив взор, она едва уловимым движением передернула плечами. Сообщение было более, чем понятным, хотя ситуация казалась ясной и без этого долгого молчания: смущение, стыд, страх, дискомфорт. Все вместе.

Из глаз, устремленных в невидимую точку, скатились две слезы, одна за другой, хотя ни один мускул на ее лице даже не дрогнул. Сбежав по щеке, слезы капнули на юбку, издав приглушенный, почти неслышимый звук.

– Простите меня, – тихо сказала женщина. Голос ее прозвучал совершенно ровно: никаких следов эмоций, бушующих внутри.

Несколько мгновений я молчал, потом попытался продолжить разговор:

– Хотите воды?

– Нет, спасибо.

Она вытащила бумажный платочек из сумочки и аккуратно промокнула им щеки.

– Адвокат Спанна говорил мне о каких-то проблемах. Скажем так: о проблемах в паре. Начнем с этого?

– В каком смысле?

– В смысле, что вы обвиняющая сторона или вас в чем-то обвиняют?

– Хм, полагаю, и то, и другое. И потом, я не знаю, о чем вы хотите услышать: об уголовных делах или о гражданских исках...

– Нет, синьора, гражданских исков не существует, за очень редким исключением. В гражданском праве в основном есть только вызовы в суд.

– Ах. Но какая разница?

Это самый страшный вопрос для любого адвоката на земле. Некоторые клиенты задают такие вопросы, которые требуют часы, чтобы ответить, только клиенты обычно все равно не усваивают смысл этих объяснений. Но если ты не ответишь, тебя сочтут некомпетентным. Если же ты ответишь расплывчато, тебя буду проклинать.

– Если кто-то не соблюдает закон или контракт между сторонами, имеющий силу закона, как это говорится на профессиональном языке, и причиняет вам ущерб, вы можете обратиться в суд и заставить нарушителя предстать перед судьей. Этот субъект тогда называется «обвиняемый». Судья должен решить, действительно ли произошло нарушение, нанесен ли ущерб и в каком размере, и привлечь при необходимости обвиняемого к ответственности. В уголовном праве все несколько по-другому, потому что согласно закону, некоторые нарушения повышаются до уровня преступления, если правовая система считает нарушенный принцип особенно важным или, как говорится, «юридически защищенным». Для такого нарушения предусматривается наказание, которое заключается в ограничении личной свободы либо в выплате денежного штрафа.

Женщина рассматривала меня с явным непониманием.

– Я приведу вам пример: если вы не соблюдаете сигнал светофора, то, в случае аварии, в которой кто-нибудь серьезно пострадает, считается, что вы совершили гражданское правонарушение. Обвиняющая сторона, пострадавшая от ваших действий, может вызвать вас в гражданский суд, чтобы вы возместили ущерб. Однако в той же самой ситуации вы можете быть осуждены за причинение вреда, потому что в правовой системе предусмотрено наказание за совершенный вами вид нарушения. Право гарантирует, что на дороге не должен твориться беспредел, назовем это так. Дорога – это место, юридически защищенное законом. Подводя итог, в гражданском праве наказание предполагает возмещение убытков, в уголовном праве наказание носит карательный характер. Это, разумеется, в теории. В реальности все немного сложнее, но концепция в целом именно такая.

Вирджиния, казалось, находилась на распутье между нерешительностью и задумчивостью.

– Ничего подобного мой адвокат мне никогда не объяснял, – сказала она в ответ.

Я нахмурил лоб.

– Вы уже работаете с адвокатом?

– Нет, – ответила она. – Уже несколько дней нет. И это одна из причин, по которой я здесь.

Произнеся это, она взяла с колен сумочку, которую изначально поставила на них. Это был разноцветный тканевый аксессуар с этническим рисунком, вероятно, по индийским мотивам. Вирджиния взялась только за одну из ручек, в результате чего сумочка раскрылась и едва не перевернулась, открывая свое содержимое. В попытке предотвратить падение, женщина резко дернула за один из бортов, и некий предмет в виду своей длины выскользнул и тяжело упал на пол.

Я смотрел на предмет, даже не пытаясь скрыть свое изумление. Это был большой нож, которым пользуются дайверы, я узнал его по черной рукоятке, какую ни с чем не спутаешь. Нож был помещен в кожаный мягкий обтягивающий футляр, теперь валявшийся у ног женщины, резко контрастируя с хрупкостью и изящностью своей обладательницы.

Дело, несомненно, принимало очень серьезный оборот.

Но Спанна меня предупредил: у этой женщины с ангельским видом были не все дома.

– Простите... Я... Я не... Это не мое... Не знаю, как... Вот... – бормотала она.

– Не волнуйтесь, – сказал я спокойным тоном, глядя, как она поднимает нож, беря его за рукоятку. – Однако я не советую вам носить в сумочке подобную вещь. В определенных ситуациях это могло бы доставить вам проблемы. – Я намеренно старался говорить завуалировано, потому что дипломатия – единственное оружие, которое я мог использовать. – А теперь, синьора, объясните мне причину необходимости юридической помощи.

Она поставила свою сумку со странным содержимым на пол и перевела дух.

– Я жертва ненормального отношения со стороны моего партнера. Эта ситуация длится уже очень долго. Да, в самом деле. Здесь столько всего переплетено. Не знаю, как сказать... я... Вы понимаете меня?

Да, я понимал, что Спанна дал ей правильную характеристику.

– Вы сказали, что вам помогал коллега. Поговорим об этом?

– Да... Я познакомилась с этим адвокатом и открылась ему. Вначале он сказал, что, вероятнее всего, имеются предпосылки действовать на законном основании. Он много чего говорил. Но месяцами ничего не происходило. Он всегда говорил очень обтекаемо. Полагаю, он мне просто не верил. Всегда случались какие-то затруднения, и в итоге несколько дней назад он мне сказал, что ничего нельзя сделать, что я должна на все махнуть рукой. Он сказал, что если даже я обращусь к другим адвокатам, ничего не изменится, потому что, с точки зрения закона, нет в этом деле ничего значимого. Но он всегда был любезен, не просил денег, говорил, что его и так все устраивает. Несколько дней я не знала, что делать, потом вспомнила

об адвокате Спанне. Мы познакомились с ним давно через моего партнера. Он показался мне хорошим человеком, поэтому я и позвонила ему, чтобы узнать его мнение, скажем так.

– Понимаю. Но с какими фактами вы к нему обратились?

И опять этот потерянный, потухший взгляд. Губы ее задрожали, и она нервным движением руки заправила волосы за ухо.

– Мой партнер. В нем проблема. Он меня мучает, не оставляет в покое. И это продолжается уже много лет.

– Это сложное сожительство?

– Мы не живем вместе. По крайней мере, теперь. Мы в каком-то смысле были вместе короткий период, но через несколько месяцев я ушла от него. Но он, однако, постоянно присутствует в моей жизни. Я это знаю. Я это чувствую. С кем бы я ни встречалась, что бы я ни делала, он всегда присутствует.

– Вы работаете, синьора?

– Да, пока он не поспособствует через какого-нибудь своего друга, чтобы я потеряла место, я работаю. У него везде есть друзья. Он манипулирует ими, управляет. И они делают то, что он хочет.

– И что он хочет?

– Он? Видеть меня мертвой.

Мертвой. Какое слово...

– Он это сказал? Он угрожал вам?

– Нет... нет... Он никогда этого не скажет. Но он хочет именно этого, он хочет, чтобы это случилось, я это отлично знаю. Мне нужна помощь.

– Конечно, успокойтесь. Но скажите мне, в каком смысле он мучает вас?

– Он постоянно звонит мне, всегда говорит одно и то же: что заставит меня заплатить, что я ничтожество. Он всегда все знает, остальное уже не так трудно сделать. Моя жизнь практически ничего не стоит. Я все потеряла: друзей, родственников, он всех отдалил от меня. Когда мы видимся, он угрожает мне, я его боюсь.

Ее фразы были короткими, холодными, будто она цитировала текст пьесы.

Но кое-что мне резало слух. Что значит «когда мы видимся»?

– Вы видите с ним? До сих пор встречаетесь?

– Да, иногда да. Я выхожу куда-нибудь, или он приходит ко мне домой. Он преследует меня. Иногда я встречаю его около своей работы. Он повсюду меня находит.

– И сколько лет вы знакомы?

– Пять или шесть. Он выходит со мной на связь всеми способами: смс, электронная почта. Ищет любой предлог, чтобы найти меня и отправить сообщение. В реальности он меня контролирует.

– Он только угрожает, как вы сказали, или делает еще что-то?

– Иногда он... жесток.

– Жесток? Бьет вас?

– Ну... да. В некотором смысле... вот... Скажем так, он жесток...

Щеки ее слегка покраснели, а глаза устремились вниз. Я решил больше не настаивать.

– Мне кажется, на гипотетическом уровне, если провести последующее расследование, можно найти мотивы для обвинения. Действия досаждающего характера, может быть.

Искра страха промелькнула в ее глазах. Казалось, она окончательно растерялась.

– Уголовное обвинение? Которое потом приведет к допросу?

– Да, что-то вроде того. Разве не этого вы хотели? Что вообще вы хотите добиться? Осуждение? Возмещение ущерба? Или у вас какие-то другие цели?

Кажется, она даже рассердилась.

– Я не знаю, чего я хочу добиться. Я хочу, чтобы он заплатил за все, что сделал. Я хочу жить. Не знаю, хочу ли я, чтобы его осудили. Адвокат, по-вашему, можно ли сделать хоть что-то?

– Ну... в каком-то смысле... возможно, да. Скажем так: действия досаждающего характера присутствуют, но все это еще надо оценить. Между тем, вышлите мне, пожалуйста, его электронные письма, так можно будет понять точнее. Потом я поговорю об этом с адвокатом и дам вам знать, хорошо?

– Хорошо.

– И последнее: я не адвокат. По крайней мере, пока...

– Для меня это все равно, что вы... короче говоря... Спасибо.

Нежная улыбка осветила лицо Вирджинии. Она оказалась самой прекрасной из всех улыбок, что я когда-либо видел. Вирджиния пожала мне руку, и я решил проводить ее до выхода из конторы. Усмешка Фанни была коварнее, чем обычно, а в полутьме, на диване, я заметил силуэт Мутоло.

Вирджиния исчезла за дверью, а я хотел бы сделать паузу и разобраться в том, что услышал в кабинете, потому я сделал знак Мутоло подождать. Он ответил мне легким кивком головы, и я, понизив голос, спросил у Фанни, давно ли он меня ждет.

– Он был здесь, когда ты вернулся, – шепотом ответила она.

Я даже его не заметил. Хотя я несколько не удивился этому. В этом весь Мутоло. Как я уже выяснил, в искусстве маскировки ему не было равных. Он мне напоминал аллигатора: часами мог оставаться неподвижным, но всегда, несомненно, готовый к молниеносному броску в случае необходимости.

Таким его сделала жизнь. Залы ожидания и бесконечные очереди при любой температуре воздуха, в любых санитарных условиях, бюрократические требования различной формы и характера, бег туда-обратно в джунглях, полных грубиянов, хитрецов, деспотов и головорезов на любой вкус. Привычный выживать в лесу унижения, легкого произвола, злоупотребления и притеснения, – типичная ситуация для того, кто не имеет авторитета или правильных друзей. Привычный также вести себя и двигаться, как кольцо в последних звеньях пищевой/бюрократической цепочки, где мало жертв, но много хищников. Многослойная одежда, наличие множества полезных документов самого разного вида и наличие воды – той самой пол-литровой бутылки – и пачки крекеров на случай сильного голода – он прекрасно замаскировался под городскую среду, согласно своей стратегии выживания.

«Человек, способный игнорировать боль, холод и жить тем, что удастся найти, потреблять то, что даже у овцы вызвало бы рвоту...» – полковник Траутман использовал эти слова, чтобы описать Рембо в одноименном фильме, но, по сути, он описал Мутоло. В итоге он был единственным, кто выжил и кто, верится в это или нет, стал лучше многих других. Он был городским героем, которого я пригласил в свой маленький кабинет в глубине коридора.

Мутоло поднялся и в полном молчании последовал за мной, а потом скромно сел на стул. Кто знает, что он подумал о том эпизоде с факсом, за которым он, естественно, имел счастье наблюдать, подмечая самые мельчайшие детали. Мутоло ничего не упускал. Я часто спрашивал себя, о чем он вообще думает во время всех этих долгих часов ожидания?

Однако мне стало известно, что произошло сегодня. Причиной общей тревоги являлось не проигранное дело, а адвокат. Адвокат противной стороны, чтобы быть точным.

Было весьма затруднительно увидеть адвоката Спанну рассерженным. Но когда такое случилось, это выглядело ужасно, и как раз сегодня это произошло, потому что адвокатом «противной стороны» был некий Пачено. Акилле Пачено. Толстый сынок своего отца, ненавидимый многими и совершенно ни на что неспособный. Слишком богатый (благодаря семье), чванливый и уверенный в себе, необразованный и к тому же идиот. То есть он обладал семью отрицательными качествами (только отсюда следует убрать определения «толстый» и «бога-

тый», которые сами по себе, выражаясь профессиональным языком, «не являются обвинением», потому что и у меня имеются такие друзья, и они прекрасные люди). Отличная химическая смесь социологического состава. Осточертевший зануда, который всех достал.

Будучи значительно моложе моего «босса», адвокат Пачено начал сразу относиться к нему неуважительно. Он являлся классической паршивой овцой, какие имеются в любом стаде. Являясь безнравственным, он, не оглядываясь вокруг, заставил даже Спанну возненавидеть себя, потому что достал его по горло.

Однажды адвокат, повернувшись к коллегам во время паузы при слушании дела, произнес:

– Ребята, если мы вытурим всех, кто пресмыкается перед адвокатом Пачено, то муниципальный советник тоже благополучно покинет администрацию.

Но это было уже давно. Теперь речь шла о региональном советнике.

Следовательно, проиграть это дело, даже в судах первой инстанции, как мы все и предполагали, было для Спанни позором, который можно смыть только кровью. И лишь всевышний знал, как Пачено удалось выиграть этот процесс, и как он теперь хвастался триумфом.

Действительно, отвратительный день. Отвратительный для всех.

Мутоло, казалось, уловил это. Он выглядел еще более молчаливым, чем обычно, и, если такое вообще возможно, еще более незаметным. Будто собака в доме: когда воздух пропитан нервозностью, она передвигается, опустив голову, стараясь прижаться к стене и остаться незамеченной для хозяев. Собака в доме – это пятое колесо в телеге, но на социальном эволюционном пути от глиняного горшка к железному она всегда знала, что кто-нибудь позаботится о ней и захватит с собой.

Я чувствовал повышенную сосредоточенность Мутоло. Полагаю, он неустанно повторял себе, как мантру: «Я не существую, я не существую...» Я взглянул на него, боясь, что он может исчезнуть прямо у меня на глазах в мгновение ока. Ведь чтобы сделаться невидимым, физическое исчезновение было единственным выходом.

– Итак, Мутоло, – сказал я спокойно, – я получил квитанцию на спорный счет за газ. Все благополучно решилось, – улыбнулся я.

Мутоло вздохнул с облегчением и прикрыл веки, расслабляя мышцы спины. Для таких, как он, подобное внешнее проявление эмоций было сродни крику болельщика, когда его команда забивает гол.

– Спасибо, адвокат, – произнес он ровно, радуясь и почти обожая меня. Я был в состоянии уловить это. – Хм... Сколько я вам... Сколько я вам должен? – спросил Мутоло.

Я видел, как богатые бизнесмены покидали кабинет Спанни, ни разу не произнеся подобной фразы, и если Спанна после тщетного ожидания говорил им что-то относительно вознаграждения услуг адвоката, они принимали растерянный вид, лицо их становилось слащавым, и они пытались извиниться за то, что даже не спросили об этом. Они ведь забыли. И тогда они виновато говорили, что у них нет с собой чековой книжки, а потом платили лишь несколько месяцев спустя.

Речь шла не о хитрости, речь шла о той редкой и драматически неизлечимой патологии, которую имел Мутоло, и которая научным языком называется «достоинство»: когда человек испытывает уважение к работе других. При особой необходимости такие люди могут даже провести несколько месяцев в жестоких страданиях, но оплатят оказанную им услугу.

– Ничего, Мутоло, и так нормально. Я, по правде говоря, только факс отправил, – произнес я и поднялся, протянув ему стопку писем, завернутую в белый лист, сложенный пополам, будто папка. – Сейчас мне нужно идти. Простите, но у меня много дел. Сохраните, пожалуйста, эти документы. Если вам придут опротестования, вы сможете показать эти бумаги. Мне подтвердят возврат суммы заказным письмом. Когда я его получу, я вам позвоню, и вы зайдете за ним.

Мутоло взял папку с документами и, аккуратно засунув ее в большой внутренний карман пиджака, напоминающий карманную сумку, тут же исчез. Думаю, что даже дверь не открылась, когда он выходил. Он пересек порог, не распахивая ее, я теперь был в этом уверен.

Я же погрузился в свои мысли.

День оказался долгим, и я начал ощущать усталость. А мне еще надо закончить изучение досье по вопросу совместного владения имуществом – не сильно увлекательная тема. Но Спанна сказал, что я – именно я – должен заняться новым, недавно начатым процессом. Клиент поссорился с адвокатом, который вел это дело ранее, и теперь настала моя очередь. Так у меня появлялась возможность набраться опыта, хорошо выполняя это поручение.

С тем же энтузиазмом, с каким осужденный идет на виселицу, я начал читать большого объема стопку с документами по делу, которое длилось уже годами. Спустя примерно три часа я знал (почти) все о правомерности расходов при совместном владении помещениями, связанными балконами и отливами оконного переплета. И мне этого было более чем достаточно.

* * *

Я вышел из кабинета голодный и усталый и увидел, что Фанни уже выключила компьютер – явный признак того, что на сегодня работа закончена. Я был весь в предвкушении: меня ждал мой любимый ужин.

Фанни, уже стоявшая в дверях, одарила меня вопросительным взглядом, надевая на плечо ремень сумочки.

– Да, – ответил я на ее молчаливый вопрос, – я тоже ухожу. На сегодня достаточно.

Когда мы вышли на улицу, она достала ключи и, заперев дверь, поднесла к уху телефон. Не отвлекаясь от разговора по телефону, она кивнула мне в знак прощания и быстро скрылась в полутени дороги, ведущей к центру.

Я тут же принялся думать об анчоусах и пиве, зашагав по улице. Я жил вместе с моим отцом – спокойным мужчиной, вышедшим на пенсию. Мой любимый ужин, который ждал меня, состоял из кешью, анчоусов в масле, кураги и ледяного пива. Я все это медленно съем, сидя перед телевизором, заинтригованный спектаклем, разыгрываемым людьми по ту сторону экрана, которые дрались в попытках убедить тех, кто находился «на этой стороне». Раньше это называлось «рестлинг». Теперь называется «дебаты». Это борьба между чемпионами новой схватки века. Ведущий, или арбитр, с гордостью объявляет начало первого матча и группы противников:

– Сегодня нас ждет поединок человека-дерьма от команды мошенников, который начинает борьбу с загадочной женщиной из команды обманчиво хороших.

Удивительно ловкий и энергичный, несмотря на коренастую фигуру, с галстуком-бабочкой и рукавами рубашки, закатанными до локтей, арбитр подает знак начинать.

Эти схватки меня очень увлекали. За орешками и анчоусами я внимательно наблюдал за техникой: удары по моральному поясу, блокирующие захваты разума, вербальные удары очередями – все то, что по факту не наносит противнику никакого реального ущерба. Я смотрел, как они симулируют смертельные удары, разбегаясь по эластичному коврику ринга, чтобы потом броситься на антагониста. Время от времени протагонисты битвы, обессиленные, сменялись своими компаньонами по команде, и во всем этом хаосе ничего нельзя было разобрать.

Встреча обычно заканчивалась порванной одеждой, а то и выдеранными клочками волос. Группа победителей выбиралась «за столом», и, по моему мнению, выбор этот имел привкус колоссальной фальши. Зато он давал возможность на следующий день в баре обсудить жестокий поединок.

– Ты видел, как человек-сволочь схватил человека-гриссини за понятия? – спрашивал толстяк своего друга.

– Да! – возбужденно отвечал тот. – Он схватил его и несколько раз ударил лицом о свои неопровержимые утверждения. Какой удар, ребята!

В этот момент в бар почти всегда входил напряженной походкой третий друг.

– Да бросьте вы! Женщина-хищница держалась молодцом, когда дважды подвигала извилинами против обоих близнецов-взяточников. Этот ход стоит встречи!

Громы небесные!

Еще через несколько минут в баре стоял такой гвалт, что уже ничего невозможно было понять. Оскорбления, высокомерно поднятые плечи, брошенные фразы и повторения нараспев заимствованных идей. Клиенты, которые с осторожностью заглядывали сюда, сбивались в кучки, бросив: «Я не хочу вмешиваться в разговор этих хамов, но тебе я скажу: та продажная женщина была права!»

Порой они ошибались в оценке протекания беседы, и тогда драка могла при случае начаться в какой-нибудь другой точке города.

СЕТЬ

Утро было тоскливым и холодным. Меня ждало несколько дел, рутинных преимущественно: отправиться в службу вручения уведомлений, чтобы передать документы, полученные за предыдущий день, потом зайти в канцелярию и запросить копии различных актов, проверить парочку назначений судебного заседания, переворачивая пыльные папки, и прочие дела подобного рода. Канцелярщина, одним словом.

Мне всегда нравилось просыпаться ранним утром – привычка, которая оказалась очень полезной в данный период моей жизни. Благодаря ей, мне удавалось очутиться в здании суда около 7 утра и порадоваться всем преимуществам этого: легко найти парковочное место, не беспокоиться об опоздании, а главное – насладиться атмосферой квартала, где располагалось здание правосудия.

Этот квартал весьма популярен и наводнен людьми, всегда полон жизни. Если приехать сюда часам к 9, то бешеный ритм закрутит в своем круговороте. Ты попадешь в поток урчащих и гневно сигнализирующих машин и, нервно поглядывая на часы, будешь судорожно считать минуты. Потом ворвешься в здание суда, а там – длинная очередь перед лифтом. Весь персонал в стрессе, и маловероятно, что кто-то вежливо пропустит тебя вперед.

А вот за час до этого все совсем наоборот, кажется, что это вообще другой мир. Все неспешно идет по своим делам, наблюдая, как просыпается квартал.

Я зашел в маленький, заполненный до отказа бар, чтобы выпить чашечку кофе и прочитать один из тех журналов, что обычно распространяются бесплатно. Выйдя на улицу, я вальяжно прошелся по чистым намытым с утра тротуарам. Ставни окон были еще закрыты или немного подняты, маленькие фургончики разгружали свежеспеченный хлеб, а вокруг сновали люди.

Таким образом, в здание суда я явился чуть позже 8. Двери еще были закрыты для посетителей, но у входа еще не выстроилась охрана. Была возможность спокойно просмотреть журналы судебных заседаний, называемые «пандекты», не стоя в очереди из других адвокатов или практикантов вроде меня, которые листают журнал в поисках каких-нибудь необходимых данных: дата обращения, имя судьи и тому подобное.

Потом, если повезет, я мог встретить кого-нибудь из сотрудников, кто, не бросая на ходу «для посетителей мы откроемся через полчаса», согласится выполнить то поручение, ради которого я сюда явился. В итоге, иногда еще до 9 часов я успевал сделать то, что, приди я позже, смог бы закончить только часа через два. А главное – мне удавалось исполнить поручение без особого стресса.

Были и другие преимущества раннего приезда. Признаю, что не всегда был прав в этом. Но иногда Фанни или Спанна звонили мне по мобильному, чтобы уточнить, могу ли я взять на себя дополнительное поручение? И я отвечал, что только приехал. Соответственно, они понимали, что у меня не будет времени на что-то внеочередное, даже если это нечто срочное. В результате, им приходилось искать альтернативное решение проблемы, а я мог избежать дополнительной рабочей нагрузки.

Но подобное не самое прозрачное поведение объяснялось смягчающими вину обстоятельствами. В прошлом случалось так, что чем эффективнее я работал, чем больше брал на себя заданий, тем больше получал нагрузки, и в итоге ранний приход стал поводом переложить на меня кучу поручений. А все из-за того, что я был ранней пташкой. Таким образом, совершенно не мучаясь угрызениями совести, я решил, что куда правильнее в целях самозащиты не раскрывать тот факт, что к 9 утра я бываю уже абсолютно свободен.

Закончив свои дела, я направился к выходу из Государственной канцелярии, и именно в тот момент мой старый рабочий телефон, находящийся в кармане, в знак приветствия издал оглушительную трель.

«Начинается, – сказал я про себя. – Кто-то из офиса ищет меня, чтобы нагрузить еще какими-нибудь бюрократическими делами, возможно, хотят, чтобы я пошел подавать заявление в Прокуратуру Момпрачем». По крайней мере, меня часто посылали в такие места, которые даже не были обозначены на карте.

Я сделал вздох и приготовился отвечать запыхавшимся тоном, практически задыхаясь.

– Алло?

– Великий адвокат!

Это не из офиса. На том конце провода послышался голос Дженнаро, моего друга по лицу, который теперь стал шофером на службе органов местного самоуправления, обучившись безопасному вождению. Несколько лет он развозил членов парламента и других официальных лиц. Настоящий гонщик городского типа. Потом по каким-то своим причинам он захотел любой ценой вернуться в Бари и поступил на должность, для которой его профессионализм оказался чем-то из ряда вон выходящим. Он был доволен, и все остальные, очевидно, тоже.

– Слышу, ты на улице, адвокат, весь в делах. Пожалуй, тогда я перезвоню тебе позже.

– Нет-нет, Дженна, все нормально, могу поговорить. Рассказывай.

– Да я просто так. Оказался недалеко от твоего офиса и подумал, что если ты свободен, я был бы рад пересечься с тобой. У меня есть новости для тебя.

– Я в здании суда, но уже закончил свои дела, так что могу освободить себя. Что за новости?

– Можешь освободить себя... – произнес он. – Даже на пару часов?

– Да, даже на пару часов.

– Отлично. Тогда подожди меня на углу у бара, напротив входа. Через пять минут я приеду за тобой. Съездим в одно место.

– Что за место, Дженна?

– Потом скажу. Пока.

Дженнаро, стоит заметить, был неаполитанского происхождения. Он по чистой случайности тоже хорошо знал адвоката Спанну. Хотя в принципе нелегко найти тех, кого он не знал. Загадочным образом все оказывались более или менее «его друзьями», и у меня никогда не получалось постичь, как ему это удавалось, но он отовсюду слышал нечто вроде: «За это не волнуйся». Либо он сам говорил подобную фразу кому-то.

Я никогда не был в Неаполе, но если бы мне пришлось выбирать, то, на месте Дженнаро, я бы переехал туда. Помимо того, что он мне всегда с энтузиазмом описывал свой город, Неаполь мне и без этого казался очень притягательным местом. Одни города прекрасны, другие уродливы, но Неаполь – это единственный в мире город, который я бы определил, как «секси»: пленительный, заманчивый, притягательный.

Дженнаро появился через 4 минуты и остановился подобрать меня. Бросив сумку на заднее сиденье, я забрался в машину.

– Здравствуйте, адвокат!

– Ох, Нуволари! Выпьем кофе?

– Нет, Алессандро, лучше поедим сразу, у меня есть дело. Выпить кофе мы предложим позже одной подружке.

Нарушая добрую половину правил дорожного движения, мы влились в автомобильный поток. Такая манера вождения была нормальной для Дженнаро. Через некоторое время мы выехали на трассу в направлении Бриндизи. Слева плескалось море.

– Слушай, Дженна, иногда мне кажется, что дорожные знаки в твоём понимании сравнимы с городской мебелью. Между прочим, эти столбы с огоньками поставлены ни разу не для

красоты. Они называются «светофорами». А те знаки в форме треугольника и круга вовсе не реклама. Это дорожные знаки. Они поставлены вдоль дороги, чтобы регулировать движение, и в теории им надо следовать.

– Преувеличиваешь! Неужели это правда? И потом, таким образом мы быстрее освободили центр от нашей машины, разве нет? Если бы все так делали, мы бы устранили пробки.

– О да, Дженна. До тех пор, пока пробка не устранил нас...

Я в этом споре всегда проигрывал, я это отлично понимал. Потому что он уже годами длится, этот спор. Более того, я считаю, что если вождение является твоей профессией, то оно способно изменить видение дорожного движения. Чтобы везде всегда успевать, необходимо рассматривать городскую территорию в ракурсе оперативности. А «оперативность» предполагает иногда гибкие правила. Особенно, если ты обучался безопасному вождению, как Дженнаро.

– Итак, куда мы едем?

– Домой к одной подруге, Алессандро. Однако ты никогда никому не должен открывать существования этого места. Никогда. Ты помнишь ту синьору, которую я к тебе направил?

Да, я помнил ту синьору.

* * *

Однажды утром она заглянула в мой кабинет. Одета в строгий костюм она не улыбалась, но казалась спокойной. В глазах ее было что-то особенное, но не цвет, не разрез глаз, не макияж, а некий странный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.